

В.А. Никитин

Секты и эзотерические кружки у церковной ограды

В свое время Н.А.Бердяев сожалел о том, что православные миссионерские исследования сектантства узко направлены на разоблачение ересей и утеснение сектантов, а либеральная литература о сектантстве за редким исключением посвящена защите сектантства в правовом и политическом отношении.

С тех пор, в сущности, мало что изменилось.

Исходя из того, что термин "секта" отсутствует в современном российском законодательстве, эксперты Института свободы совести делают вывод: употребление понятия "секта" в официальных документах и в средствах массовой информации неправомерно и разжигает нетерпимость в многоконфессиональном российском обществе. Обратим внимание, что ныне в теологии Римско-Католической Церкви слова "секта" и "ересь" практически не употребляются. В Катехизисе Католической Церкви, издающемся с 1992 года, слова "секта" вообще нет, а говорится лишь об "отделенных общинах" - прямое следствие того, что II Ватиканский Собор призвал не называть никого еретиком или схизматиком (раскольником), а, прибегая к эвфемизму, - разлученным братом, разлученным с некогда Неразделенной Церковью. Эклесиология Русской Православной Церкви в этом отношении более строга.

Вместе с тем Русская Православная Церковь, безусловно, признает принятую ООН в 1948 году "Декларацию прав человека", последовательно защищает неотъемлемое и богодарованное право людей на жизнь и создание семьи, свободу совести и слова. Она не настаивает на том, что христианство - единственно приемлемая религия в мире. Именно признанием "Декларации" определяется ее неприятие сект, в которых ущемляются те или иные права человека, например, право на выбор партнера в браке, в которых царят замкнутость и нетерпимость. Слово "секта" латинского происхождения. Одни этимологи считают, что оно произошло от глагола sequor (следовать за кем-либо), другие - что оно связано с глаголом secare (отделять что-либо от чего-либо). Разумеется, оба значения тесно взаимосвязаны, ведь любая секта возникает при условии следования и отделения, вызванного выбором, который делает "еретик" (греч. "ересь" - "выбор"), - отделения от Церкви, от того или иного господствующего мировоззрения. Выражаясь словами поэта, секта - "как беззаконная комета в кругу расчисленном светил" (А.С. Пушкин). Но любая комета остается в той или иной степени близости к Солнечной системе как центру притяжения, пока не сходит со своей орбиты. В той или иной степени близости к церковной ограде находится и любая "нормальная" секта (в отличие от "тоталитарных"). Но священноначалие Церкви от любых сект резко отмежевывается, ссылаясь на апостольское суждение: "Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами" (1 Ин. 2,19).

В начале XX века в России насчитывалось более 20 миллионов человек, принадлежавших к старообрядчеству или к какой-нибудь из сект. То были представители не только "бродячей Руси", но и самых привилегированных слоев образованного общества, бежавшие от грехов и неправды цивилизации, теряющей

духовное наполнение, по-своему искренне взыскующие Бога и высшего смысла жизни.

Вдохновляясь образом ересиарха Л.Н. Толстого, последователи которого создали влиятельнейшую секту, великий апологет свободы Н.А. Бердяев сделал далеко идущее обобщение, столь же впечатляющее, сколь и спорное. Суть его в том, что в дореволюционной России любой протест против господствующей Церкви и уход со "столбовой" вероучительной дороги в сторону сектантства или эзотерических кружков был не только вызовом существовавшему порядку, но и актом незаурядного личного мужества, подобным раннехристианскому исповедничеству.

Трудно согласиться с тем, что наличие сектантства само по себе показывает религиозность народа, горение его духа, его стремление к идеалу, жажду не внешней религии, но внутренней, своего сердечного завета с Богом. Но несомненно, что наличие сектантства свидетельствует о некоем неблагополучии в жизни господствующей Церкви, о том, что провозглашаемые ею идеалы далеки от осуществления. И тут вспоминаются слова апостола Павла относительно правды Христовой, превышающей человеческую правду, ибо она - иная, "безумная" для мира, мудрая лишь для Бога: "Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?" (1 Кор.1,20).

Сегодня едва ли не главной причиной того, что верующие люди уходят из церковной ограды в секты, является недостойное поведение пастырей и их образ жизни, часто противоречащий Евангелию. Человек, взыскующий Бога и высокие идеалы, склонен отождествить таких служителей Церкви с самой Церковью. В этой связи Н.А.Бердяев говорил о "достоинстве христианства и достоинстве христиан".

В постсоветской России эзотерические кружки и секты вышли из подполья, легализованы, приобретают всё большее влияние. Согласно наиболее распространенной схеме, все новые религиозные движения делятся на псевдохристианские ("виссарионовцы", мормоны, муниты), восточные (кришнаиты, "Аум Синрикё", "Трансцендентальная медитация", "Ананда Марга"), психологическо-терапевтические (сайентология, "Нейро-лингвистическое программирование") и движение "New Age" ("Новая Эра"). Их перечень очень велик - десятки и сотни наименований! - мы назвали лишь наиболее популярные. Вероятно, сюда следует включить и так называемые коммерческие культы, и некоторые "тренинги здоровья и личного успеха", "тренинги профессионального роста" и т.п. практики, использующие в своих психотехниках эриксоновский гипноз ("русский гипноз"), сексуальные манипуляции и другие методы оккультного воздействия. Некоторые секты подобны акционерным обществам закрытого типа, они имеют тайный характер с поэтапным введением кандидата в общину, через ряд инициаций, подобно масонским ложам. Трудно провести грань между такими сектами и эзотерическими кружками, или "полу-сектами".

В книге "Икона и топор" (М., 2001) директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон в главе "Сектантская традиция", анализируя обширный исторический материал, в том числе дореволюционный российский, формулирует следующую тенденцию: "Сектантам, как и другим дуалистам, присущ своего рода

тоталитарный фанатизм. Отвергая "тиранию" государственных Церквей во имя "свободы" духовного христианства, сектанты устанавливали собственные, куда более ригористичные тирании. Утверждая, что их общины способны достигать земного совершенства, они убедили себя, что такое совершенство возможно только и исключительно в их общинах. Появились новые формы "более высокого" крещения, открылись новые источники непогрешимой истины, а поиски совершенства нередко толкали сектантов на самоистязание".

Современный исследователь сектантства А.Л.Дворкин, развивая идеи Биллингтона о тоталитарной его разновидности, рассматривая влияние на общество, говорит о трех концентрических кругах. Первый - центральный - состоит из предводителей сект (типичных партийных функционеров. - В.Н.), экстрасенсов-целителей, шаманов и колдунов, астрологов-прорицателей, учителей восточных боевых искусств и т. п. - всех, кто делает на этом свой бизнес. В России этот огромный круг исчисляется сотнями тысяч человек, намного превосходя количество христианского духовенства. Второй круг - жертвы сектантства, его адепты и его рабы. Он меньше, чем кажется многим, поскольку является подвижным: секты постоянно убывают или пополняются за счет перехода своих членов из одних общин в другие. Третий круг - самый широкий - состоит из людей, которые живут на периферии секты: посещают ее семинары "для внешних", оказывают ей информационную или материальную поддержку, обращаются к ее лидерам за советами, но не являются, строго говоря, подлинными членами секты. Проводя параллель с Церковью, можно сравнить этот круг с недостаточно "воцерковленными" ее членами, которых нельзя называть прихожанами в строгом смысле этого слова. Разумеется, все три круга взаимопроницаемы, между ними происходит постоянная диффузия.

Тоталитарное сектантство опасно на разных уровнях: для личности, семьи и государства, так как человека зомбируют, лишая внутренней свободы; семьи перестают быть "малой Церковью" и "ячейкой государства", секта подменяет и семью, и общество, и государство.

Постсоветская элита времен президента Ельцина, страдавшая серьезной некомпетентностью, дала в начале 1990-х годов "зеленый свет" деятельности различных деструктивных религиозных организаций на территории России. Международные секты, преимущественно американского и восточного происхождения (в их числе "Церковь объединения" Муна и "Аум Синрикё"), получили неожиданную политическую поддержку в средствах массовой информации и лоббирование своих интересов в российских органах власти; каждая из таких сект стремилась стать "государством внутри государства".

Возникли и дали обильные всходы новые виды оккультизма. Их носителями стали вчерашние комсомольцы и коммунисты, нередко представители творческой интеллигенции. Они "очаровывались" в той или иной мере сами и "очаровывали" других такими терминами, как астральное тело, сакральный объект, диагностика кармы и т.п.

Русская Православная Церковь оказала им активное противодействие и сумела заручиться поддержкой парламентариев. На Архиерейском Соборе 1994 года было заявлено о невозможности для Церкви сотрудничества с новомодными тоталитарными сектами и псевдорелигиозными объединениями, такими как

сайентология и кришнаизм. В соборном определении "О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме" было сказано, что поскольку они несовместимы с христианством, то люди, их разделяющие и проповедующие, отлучили себя от Церкви. 15 декабря 1996 года Государственная Дума обратилась с посланием "К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России", имея в виду именно секты.

Для противостояния этому явлению созданы Информационно-консультативный центр священномученика Иринея, епископа Лионского (им руководит А.Л.Дворкин), Центр по реабилитации жертв сект и различных оккультных обществ под руководством священника Олега Стеняева. Приобрели известность на поприще борьбы с тоталитарными сектами иеромонах Анатолий Берестов, архимандрит Рафаил Карелин, диакон Андрей Кураев. Последний поднял проблему оккультизма в Православии, посвятив этому одноименную книгу.

Трудно, однако, определить точную грань между умной молитвой и мантрой, между соблюдением поста и изнурением голодом, между отсечением своей воли в подвиге послушания духовнику и контролем ума со стороны гуру. Вот почему нет единомыслия и в основополагающем вопросе о том, какие именно организации следует считать сектами. В разряд сект по недоразумению или недомыслию нередко зачисляются протестантские Церкви - лютеранскую, методистскую, баптистскую, адвентистскую и другие. Постоянно смешивают такие разные понятия, как "инославный" и "иноверный", "сектант" и "еретик". Поэтому вставал прежде и теперь встает вопрос: как провести разделительную линию между инославными христианскими конфессиями, а также традиционными мировыми религиями, с которыми православные могут вести диалог и сотрудничать, и теми деструктивными сектами и эзотерическими кружками, с которыми диалог и сотрудничество проблематичны, нежелательны или вовсе невозможны.

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) в статье "Сектантство в Православии и Православие в сектантстве" (в сборнике "Правило Духа", Париж, 1938) подчеркивал, что сектантство - это неправославное искание путей Православия, которое по нашей человеческой немощи совершается не в догмате, не в Церкви, а около догмата, около церковной ограды - не вглубь, а вбок. Он утверждал, что чистая жизнь около догмата представляет большее Православие, чем блудная жизнь в догмате. Это с полной очевидностью вытекает из евангельской притчи о двух сыновьях, из которых один сказал, что не исполнит воли отчей, но исполнил ее, а другой сказал, что исполнит, но не исполнил. "Ошибочно думать, - писал владыка Иоанн, - что все православные суть действительно не сектанты и что все сектанты суть действительно не православные. Не всякий православный по имени таков по духу, и не всякий сектант по имени таков по духу, и в настоящее время в особенности можно встретить "православного" - настоящего сектанта по духу своему: фанатичного, нелюбовного, рационально узкого, упирающегося в человеческую точку, не алчущего, не жаждущего правды Божией, но пресыщенного горделивой своей правдой, строго судящего человека с вершины этой своей мнимой правды - внешне догматически правой, но лишенной рождения в Духе. И, наоборот, можно встретить сектанта, явно не понимающего смысл православного служения Богу в

Духе и Истине, не признающего то или иное выражение церковной истины, но на самом деле таящего в себе много истинно Божьего, истинно любвеобильного во Христе, истинно братского к людям".

Гордый и узкий, не преображенный в Духе Божиим человеческий разум, независимо от того, кому он принадлежит - православному или сектанту, члену эзотерического кружка или члену церковной общины, одинаково стремится к разделению и находит удовлетворение в сознании собственного избранничества, забыв о спасительной заповеди: "Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, - да уверует мир, что Ты послал Меня" (Ин.17,21).

А.Л.Дворкин предлагает принять на общецерковном уровне "черный список", внеся в него все новейшие религиозные движения, начиная с мормонов и иеговистов, и объявить им бойкот. Такая крайняя мера оставляет "за скобками" призыв апостола Петра: "И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?.. Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением" (1 Пет. 3,13-15).

А.Л.Дворкин также утверждает, что "коммерческими культами можно назвать вообще все сектантские движения, ибо все они прежде всего нацелены на наживу и власть".

Такой обличительно-критический подход с высокой церковной колокольни питается иллюзией о повсеместном и однозначном духовном возрождении России. Сегодня же, думается, можно говорить в лучшем случае о религиозном пробуждении, но не возрождении России. Ибо за оградой Церкви клопочет потребительская цивилизация, в которой господствуют "идолы рынка", для которой все россияне - потребители, то есть потенциальные жертвы этих идолов. Ритуальное жертвоприношение в виртуальном и реальном мире, новое идеологическое "заклание" совершается с помощью масс-медиа, рекламы, массового оболванивания обывателя. Магия и оккультизм здесь также активно взяты на вооружение.

Христианские молитвы о смирении и кротости, терпении и воздержании, об очищении сердца и ума от греховных помыслов вытесняются в такой среде прошениями о здоровье и благополучии, успехе в делах и удаче в бизнесе. В результате молитва незаметно подменяется неким заклятием, трансформируется в магический заговор... Смешиваются вера и суеверия, в церковную ограду привносятся языческое сознание и элементы магизма, когда к святыням и реликвиям относятся как к неким амулетам, источникам особой психической энергии.

И в то же время в церковных кругах, в противовес этому, усиливается обскурантизм, который не различает оккультизма и мистики, для которого великое слово мистика является бранным. Обскуранты не хотят знать о том, что платоновское единобожие вызрело внутри античного язычества; что египетская религия умирающего и воскресающего Озириса предвосхитила христианство с его учением о телесном воскресении Христа.

Только на надежном фундаменте христианской теологии, в особенности антропологии, возможно понимание различия и принципиальной несовместимости

окультино-магического операционализма (термин Н.А.Бердяева) и христианской мистики.

Особую питательную среду для пополнения эзотерических кружков и сект создают около церковной ограды богомольцы-паломники, взыскивающие повышенных эмоционально-молитвенных состояний - транса и экзальтации. В этой среде популярны "страшилки" об ИНН (индивидуальный налоговый номер), о засилии масонов и всесии рокового числа 666, наконец, о близости Конца Света. Суеверия и предрассудки искажают в этой среде смысл самой церковной проповеди, ретранслируют ее в измененном виде (порой до неузнаваемости!).

Но даже в этой околоцерковной, порой маргинальной среде есть свое искание правды Божией, ибо поистине "дух дышит, где хочет" (Ин.3,8). Н.А. Бердяев справедливо подчеркивал, что есть своя правда во всех типах христианской религиозной мысли, ибо все ее носители стремятся выйти из окостенелой, внешней, бытовой государственно-утилитарной религиозности: "Незримо рождается новый человек. И в русской религиозной мысли всегда есть пророчество о новой мировой эпохе, всегда есть чувство конца старого мира. Религиозный сдвиг должен произойти в глубине божественно-человеческой природы. Но этот творческий сдвиг не может и не должен быть сектантским и бунтарским разрывом с вселенской Церковью, с ее внутренней сущностью. Творческая религиозная революция происходит внутри самой Церкви, в ее сокровенной глубине. И одинаково не правы и те, которые держатся лишь за внешние оболочки Церкви, и те, которые отрицают ее вечное внутреннее ядро. Религиозная воля должна быть направлена на творческое откровение, почин которого берет на себя человек".

Важно "реабилитировать" в сегодняшнем веропонимании и раннехристианский гнозис, питающий духовные искания самого широкого спектра, включая внеконфессиональную мистику. Тот гнозис, который апостолы Павел и Иоанн Богослов понимали как истинное познание верующими единства Бога Отца и Бога Сына, уяснение очами веры и любящим сердцем тайн Божественного домостроительства: "Кто любит Бога - тому дано знание от Него (гнозис)" (1 Кор. 8,3). Слово "гнозис" приобрело в церковной среде предосудительный смысл с оттенком сугубо тайного магического (а не мистического!) знания, противоположного понятию "вера". Отсюда негативное отношение к любым сектам и эзотерическим кружкам. Между тем антонимом слова "верующий" является не "гностик", а "агностик", и от четкого уяснения этой существенной разницы зависит примирение веры и знания, религии и духовной науки.

Христианство не может и не должно жить вне мистического опыта. Отбрасывая его, оно обрекает себя на "усыхание" в пустыне рационализма, духовную деградацию и смешение со множеством социально-этических учений. Во избежание ксенофобии и нетерпимости в многоконфессиональном российском обществе по отношению к сектам нам необходим дифференцированный подход, понимание различия между сектами христианского толка - то есть "отделенными (от Церкви) общинами", и тоталитарными сектами, имеющими чужеродное для России происхождение. Тогда станет возможным говорить не об "окультизме в Православии", а о проявлениях Православия в тех или иных внеконфессиональных течениях, включая секты и эзотерические кружки. Активизации окультизма в церковной ограде противостоит литургическое возрождение. Суть этого движения,

заметного не только в православном мире, но и мире католическом, заключается в том, что к Таинству Евхаристии (которое всегда было и остается центральным моментом Богослужения) верующие прибегают как можно чаще, за каждой литургией, как это было в Древней Церкви. К этому в России XIX века призывал преподобный Серафим Саровский и старцы Святой Оптиной Пустыни, а в начале XX века - протоиерей Иоанн Кронштадтский. Подлинное литургическое возрождение призвано приоткрыть церковную ограду для приходящих в Церковь и держать ее открытой.